

Концепт реальности и проект «Наука»

Куликова О.Б., канд. филос. наук

Обосновывается конституирующая роль концепта реальности в становлении науки как эпистемологического проекта и исторически сложившейся деятельности. Представлены основные тенденции смысловой модификации концепта. Подчеркивается, что регулятивная идея реальности с учетом принципа человека обеспечивает современной науке возможность сохранения социокультурной определенности.

Ключевые слова: реальность, наука, научное познание, идеалы, научный реализм, эпистемологические проекты, история науки, наука как технология.

The concept of a reality and the project «a Science»

In article is proved a constitutive role of the concept of a reality in the building of the science as the epistemological project and as the historically formed activity. The basic tendencies of semantic updating of concept are presented. It is underlined, that the regulating idea of a reality with provision for principle of the humanity provides for a modern science an opportunity of the retention of sociocultural definiteness.

Keywords: a reality, science, scientific knowledge, ideals, scientific realism, the epistemological designs, history of a science, science as technology.

Науку вряд ли можно отнести к разряду стихийно сложившихся феноменов. Тенденция к ее рождению пробивалась сквозь множество иных линий специфически человеческой жизни. Культурная ниша науки возникла под непосредственным влиянием других устоявшихся систем духовного и материального творчества. Ее появление было обусловлено определенными идеалами, интеллектуальными моделями, в которых воплощались представления о совершенном, безупречно построенном процессе познания, призванном обеспечить получение идеального результата, то есть некоего знания-предела, или Истины. Наука рождалась из этой общечеловеческой мечты об Истине.

Проект «Наука» строился творческими усилиями великих мыслителей (от Платона и Аристотеля до Ф. Бэкона, Р. Декарта и И. Канта), а также сознательными действиями учредителей и членов первых научных академий. Важнейшим условием для становления науки в современном смысле слова стала изначальная тесная связь между первыми участниками исследовательских коллективов в разных странах Европы, между теми, кто был искренне (бескорыстно) заинтересован в разгадывании секретов природы. Ведь, как известно, первые академики не получали систематического вознаграждения за свою деятельность. Нормы этой деятельности неизбежно приобретали, таким образом, почти сакральный характер. В европейской культуре была создана особая традиция со строгими правилами, которой, по выражению одного из самых ярких представителей философии науки XX века – «научного анархиста» П. Фейерабенда, и были переданы основные права в области познания.

Своеобразным первообразом науки, несомненно, была (да и во многом остается) философия. Кроме того, в сфере философской

мысли, как показывает ее история, избыточно (впрямую) возникали самые разные модели-идеалы материального и духовного бытия человека, чаще утопические по своей сути. К числу, в общем-то, немногих моделей, которым было дано осуществиться, относятся именно модели науки – модели эпистемологические. В них, в свою очередь, выделяются некоторые общие идеи-концепты, позволяющие определить идентичность научного познания и в целом специфику науки по отношению к другим культурным феноменам. К числу последних относится концепт реальности, благодаря которому во многом конституировалась научно-познавательная деятельность.

Разработка и развитие данного концепта тесным образом переплелись со многими ключевыми традициями философии науки и шире – философии познания. Здесь имеются в виду такие традиции, как *классическая концепция истины, мировоззренческий универсализм, субъект-объектная модель познания, объективизм, детерминизм*, наконец, традиции так называемого *гносеологического оптимизма*, сама *идея прогресса научного познания*. Проблема реальности затрагивает и вопросы соотношения ноуменального и феноменального миров, определения границ человеческого познания, поиска оптимальной формы знания и др.

Понятие «реальность» содержательно шире понятия «объект познания», которое фиксирует лишь то, на что направлен интерес субъекта и что существует само по себе. В содержании философской категории *реальности* подчеркивается не только то, что *нечто существует само по себе*, но и то, что *оно противостоит вымышленному, фиктивному, а также и несущественному и случайному*. По крайней мере, объект познания всегда мыс-

лится как аспект реальности, который включен в ее порядок и именно в этом плане может быть выражен в научном знании, а значит, объяснен.

Реальность – это представление о необходимой степени определенности того, что познается (на пределе – Мира в целом), о том, что имманентно вещам, но не совпадает с их внешней данностью. Установка на реальность значима для науки как специфической системы познавательной деятельности, нацеленной на объяснение Мира. Она позволяет построить объяснение, в основе которого полагается каузальная детерминированность, а не телеологическая. Концепт реальности относится к числу нормативных факторов становления и развития научного познания. Он служит для обоснования самой возможности достичь Истины.

Истоки проблемы можно усмотреть еще в построениях Парменида, в его идее тождества бытия и мышления. Он провозглашает единство мысли (разума) и неизменного целостного бытия в истине (это все есть Одно). В истории философии весьма многообразно предстали попытки высветить в мысли то, что незыблемо и подлинно, и таким образом снять обманчивую пелену преходящего, чувственно данного. Именно Парменид пытался разграничить реальность и видимость, а также, соответственно, знание (истину) и мнение. Такой вариант онтологизации знания стал своеобразным «нулевым уровнем», с которого «стартует» реалистическая традиция.

От Парменида возможны были несколько основных линий становления моделей познавательной деятельности, где обосновывалось даже не столько то, как познавать, а именно то, на *что* собственно *должны* быть направлены познавательные действия.

Следующим шагом в генезисе идеи можно считать учение Платона. Реальность в его трактовке – это в целом то, что не может быть постигнуто чувственно, а лишь умом. Платонова реальность, или мир идей, – это в первую очередь предельное совершенство; у него реальность и совершенство совпадают, обладая при этом и вневременным характером. Занебесный мир идей – это бытие знания (исчерпывающего и совершенного) самого по себе, к которому человеческой душе необходимо открыть пути, обнаружить предрасположенность. Истинное знание должно соответствовать своей идее, своему понятию. Позднее, как известно, Г.В. Лейбниц также говорил о существовании «предустановленной гармонии» между реальным явлением и понятием.

Платон, по словам Б. Рассела, делает весьма важный шаг в истории философии – он «подчеркивает проблему универсалий, сохраняющую в разных формах свое значение вплоть до настоящего времени». ¹ Античный мыслитель, по сути, открывает традицию спо-

ра об универсалиях. Ставя проблему соответствия единого и множественного, взаимосοοбразности умопостигаемого и чувственного, Платон обосновывает необходимость поиска того, что обеспечит единодушие в познавательных действиях и их результатах. Именно это и становится сверх-идеей последующих построений модели (проекта) науки.

В этом выражен также классический подход в отношении проблемы истины, обоснованный на поле объективного идеализма. Как справедливо подчеркнул И.Т. Касавин, элеаты, атомисты и Платон истолковывали знание с точки зрения корреспондентского подхода, что являлось, по сути, продолжением верований: подобное порождается подобным, знание – это образ скрытой реальности (сейчас эта позиция сохраняется в так называемых реалистических эпистемологиях). ² Проблема истины – это, с точки зрения Платона и его последователей, проблема возможности познать то, что *не наблюдаемо*.

Аристотель также обосновывает идею общности знания, то есть знания, не зависящего от особенностей отдельных людей, знания-предела. Реальность его, однако, перемещается в сферу единичных вещей. Сущность у него – это не Идея, а реальность, в которой бытие и становление, материя и форма едины, и которая имеет причины в самой себе.

Классическая наука – наука XVII–XVIII вв. – в целом возникла из проекта, в основе которого было представление о реальности в платоновско-аристотелевском духе. Стремление через видимость уловить устойчивую сущность было характерно для данного периода развития научного познания, что наиболее отчетливо выразил своей деятельностью И. Ньютон.

Понятие реальности, ее признание как таковой определяет характер многих эпистемологических конструкций. Но особое значение идея реальности приобрела в XX веке в учениях философов-аналитиков. Наука XX века, несмотря на стремления профессионального исследовательского сообщества держать нейтралитет в эпистемологических дискуссиях, развивалась все же под явным влиянием аналитического направления в философии. Изначально, собственно, особенно в так называемом Венском кружке как одном из истоков данного направления и была сделана серьезная заявка на создание *научной философии*. В рамках такого движения весьма заметным стал тренд *научного реализма*.

Довольно условно истоком современных вариантов реализма можно считать одноименный продукт средневековой схоластики. Но здесь важно признать сам неизменно сохранявшийся и многовариантно развертывавшийся интерес к осмыслению того, что есть *реальность как некая (само)определенность (вне человека) того, что выступает целью чело-*

веческого познания. В любом случае реализм (позиция, принцип) предполагает возможность достижения этой цели. Чтобы проект науки состоялся, необходимо было утвердить идею реальности, позволяющую построить онтологическое обоснование научного знания.

Б. Рассел как последователь линии так называемого научного реализма подчеркивал, что линия эта есть «доктрина внешних отношений», при которых предметы не изменяют своей природы. Он указал основное различие между его позицией и феноменализмом первых позитивистов: последователи О. Конта рассматривали сам факт наблюдения как реальность. «Завершенный реализм» Рассела – это позиция, фиксирующая не факты как таковые, а то, что в них есть и, безусловно, должно быть *общее*.³

Но в целом, как справедливо отмечают исследователи, Рассел оказывается непоследовательным научным реалистом, поскольку меняет точку опоры – из сферы математической логики он уходит в сферу эмпирической очевидности, то есть именно феноменальное он тоже позднее начинает мыслить как реальность. И. Лакатос дает довольно резкую оценку этим переменам, поражаясь, по его словам, тому, как Рассел – специалист, стремившийся к достижению абсолютной достоверности, – смог «вляпаться в слякоть индуктивизма».⁴

А. Н. Уайтхед – соавтор и первоначально единомышленник Б. Рассела, в целом следуя реалистической традиции, подвергает ее некоторому пересмотру, называя свой реализм *предварительным*.⁵ Он различал объекты и ситуации (события), наделяя именно первые постоянством. Меняются, с его точки зрения, лишь условия (активные и пассивные), событийный порядок, а не объекты как таковые. Уайтхед ориентируется на поиск устойчивого в текучих ситуациях, понимая именно так реальность. «Текущность вещей обретает смысл в самосохранении того, что навязывает себя миру в форме определенного осуществления ради самого себя», – поясняет он.⁶

Для Уайтхеда неприемлем тезис о тождестве бытия и мышления, впервые обоснованный Парменидом. Анализируя соотношение видимости и реальности, он пытается также по-своему решить и проблему истины.⁷ В его воззрениях при этом обнаруживается некоторое родство с линией Платона, хотя реальность у него в целом предстает как *универсально-сущностное* в самой природе (а не в занебесном мире), что совпадает с ее текучим порядком как универсального организма.⁸ Мыслитель выступает против попыток поиска некоего высшего основания, или высшей реальности (Абсолюта, Божественного порядка, Бога), к чему порой прибегают «для устранения недоумений» (т.е. определенных трудностей) в научном объяснении природы.⁹ Наука,

по его мнению, способна сама, то есть на своих собственных основаниях, преодолевать подобные трудности.

Основной проблемой реалистов-аналитиков является их трактовка феномена знания: знанием для них выступает то, по отношению к чему могут быть подобраны соответствующие словесные формы. У них реальность как бы предзадана к такому выражению. Она, если следовать их логике, влияет на нас так, что эмпирические данные, поддающиеся описанию и систематизации в известных (освоенных) словесных формах, могут служить базой для теоретической конструкции, их объясняющей (тоже, безусловно, в освоенных понятийных формах). Признается обратная зависимость: слова имеют смысл, если они указывают на конкретную область реальности, в противном случае, – они бессмысленны.

Такой подход не вызывал бы сомнений, если бы не история самого познания, если бы познание не было исторически развертывающимся процессом. Аналитики поставили почти ту же задачу, что и Сократ с Платоном, – дойти до правильного, более не допускающего двусмысленности (т.е. противоречия), неразложимого и не сводимого уже ни к чему знания. Преимущественно они занимались построением моделей перестройки уже существующего знания в соответствии с логико-лингвистическими правилами, а тем самым исключали из него все то, что в эти правила не укладывается.

Если в ходе развертывания классического проекта науки в целом его участники отождествляли реальность с устойчивостью определенных свойств и связей вещей, то в рамках неклассической научно-познавательной деятельности (начало XX века) возникает иное представление. Реальности придается феноменалистский смысл, а устойчивость ее начинает зависеть от логико-лингвистического каркаса, в котором она репрезентируется.

В постнеклассической науке конца XX века реальностью признается уже сама человеческая практика освоения мира, хотя сами участники научно-познавательной деятельности не вполне сознают, а некоторые из них порой и не принимают это. Но по крайней мере, всеми признается, что человек во многом утратил классическое «чувство реальности» как позицию субъекта, стороннего познающего существа, в отношении к тому, что подлежит познанию. В этом можно усмотреть отчасти своеобразное возвращение к параметрам научной деятельности, обоснованным в бэконовской научно-технической утопии. Ф. Бэкон, как известно, главную цель науки (этого «благороднейшего учреждения на земле») видел в служении обществу, в стремлении к познанию объективному и общезначимому, познанию «причин и скрытых сил вещей и расширению

власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным». ¹⁰ Он, как пишет П.П. Гайденко, «одним из первых понял, в чем общественное предназначение науки», и то, что последняя не должна быть «частным делом отдельных ученых и небольших научных сообществ». ¹¹

Современные модели науки серьезно скорректированы социологическими и социокультурными интерпретациями научной деятельности, начало которым было положено в 60-х гг. XX в. Т. Куном, представителями постпозитивистской философии науки (К. Поппер, И. Лакатос и др.), а также создателями программ когнитивной социологии науки (Б. Барнс, Д. Блур, М. Малкей и др.). В этих моделях наука предстает многогранной и многофакторной системой. Идеалом становится научная деятельность, способная совместить задачи достижения истины и позитивного участия в развитии цивилизации.

Подверглась серьезной корректировке и позиция научного реализма. В так называемых реалистических моделях науки ставится цель не поиска свойств, позволяющих ей должным образом исследовать определенные объекты, а анализа свойств «некоторой данной науки», что позволит вывести из нее некоторую соответствующую ее предмету онтологическую реальность. ¹² Реальность, таким образом, предстает как следствие теоретических конструкций конкретной области научного познания.

Особенностью современной науки, как подчеркивает современный последователь линии научного реализма, известный швейцарский философ Э. Агацци, является то, что «ее непосредственным объектом является уже не Природа, а толстый слой опосредований». ¹³ «Если античная наука, – поясняет он, – считала источником своего вдохновения идеал *наблюдения*, а наука Нового времени – идеал *открытия*, то наука сегодняшнего дня справедливо представляется как *исследование*». Причем приобщение к исследованию означает вхождение в уже существующую ветвь науки, которая сама определяет и свои понятия, и их границы. Таким образом, «современная наука установилась как *автономная* система в том смысле, что она сама для себя формирует предметную область». ¹⁴

Отмечаемая многими специалистами кризисная ситуация в современной науке обусловлена не столько тем, что она сама стала определять для себя границы и направления миропознания – это было изначальной ее особенностью (концепт реальности был одним из способов задания таких границ), сколько тем, что в ней ставится под сомнение идеал поиска Истины и самооценности знания. Кризис современной науки обусловлен во многом тем обстоятельством, что образ реальности как данности Мира самого по себе с элиминацией из

него всего, что присуще человеку познающему, перестал быть регулятивом. Если раньше он диктовал наукам (различным областям научного познания) необходимость развертывания согласованного и непрерывного процесса приближения к исчерпывающему описанию и объяснению Мира, то теперь он предстает движением к дурной бесконечности, в которой распыляется всякое единство. Реальность Мира перестала воссоздаваться из дисциплинарных фрагментов как нечто целое. В общем-то, можно согласиться с мнением, что утопична в целом сама идея всеохватного синтеза. ¹⁵

Внутри каждой дисциплины независимо от других стал прививаться свой специфический прикладной аспект, свой комплекс проблем, связанный с конкретикой человеческого бытия. Разворачивается не просто процесс дифференциации наук, который в свое время – в XIX веке – сыграл исключительно плодотворную роль в судьбе всего проекта «Наука», но возникает эффект «отпадения» отдельных направлений исследований от системы научного познания как такового. Прикладное познание стало как бы разъедать полотно в прошлом единой Науки. Б.И. Пружинин пишет об этом так: «... В науке конституируется особый тип исследования – прикладное исследование, специфические мотивации и установки которого проникают на все уровни познавательной деятельности и фактически раскалывают и «раскачивают» ее гносеологическую структуру». ¹⁶

Возникает опасная для науки ситуация, когда «полученное знание как бы изымается из познавательного процесса», оказываясь «собственностью соответствующих социальных институтов», и утрачивается возможность его использования для производства нового знания, «для последовательного расширения области известного». ¹⁷ Само по себе прикладное знание не обеспечивает преемственность в научно-познавательном процессе, являясь «потенциально уникальным и фрагментарным». ¹⁸ Возникает угроза трансформаций знания в сторону псевдонауки, имитирующей науку в настоящее время уже не с шарлатанскими целями, а с намерениями дать эффективное решение социокультурных проблем. ¹⁹

Наука же тем самым утрачивает статус самодостаточного и авторитетного социокультурного феномена, становится сферой для удовлетворения разного рода амбиций и организации громких PR-акций, за которыми часто не стоит ничего продуктивного. Она рассматривается теперь не столько как деятельность по производству безусловных ценностей – знаний о мире в интересах общества в целом, сколько как игра, «правила которой зависят всего лишь от игроков и их предпочтений, а вовсе не от Природы». ²⁰

Сложность ситуации состоит в том, что возврат к прежним ориентирам и концептам

научно-познавательной деятельности невозможен. Но и отказ от традиций, сложившихся в науке и определивших ее особую роль в культуре, будет означать отказ от поиска общезначимого в отношениях человека с Природой, от построения общезначимых моделей оптимизации этих отношений. Несмотря на трансформации, наука не может и не должна «поступиться» своими принципами и нормами, составляющими то, что называется ее основаниями, или предпосылочным и безусловным знанием, обеспечившими становление ее специфической социокультурной ниши. Концепт реальности не может быть исключен из числа этих идейных оснований, хотя он подвергался и неизбежно будет подвергаться определенным содержательным модификациям, но сохраняет свой смысловой инвариант, позволяющий рассматривать познаваемое – Мир (Природу) – в значимых для всех элементарных и структурных аспектах упорядоченности.

Реалистические установки в целом выполняют конституирующую функцию для науки как коллективного способа миропознания. Но их сохранение в современных условиях, а значит, и сохранение науки в ее подлинности зависит от того, насколько в их потенциал включены столь актуальные сейчас собственно человеческие смыслы. Современная наука, несмотря на тенденции к технологизации и проблемно-практическому фракционированию, вполне способна отстоять свою целостность и идентичность, если в ее установках, реалистических в первую очередь, будет выражен не столько объективизм, сколько принцип человека. Этот принцип подспудно, пусть не всегда отчетливо, но все-таки выражал себя в основаниях научной деятельности. По крайней мере, это несли в себе установки и объективности, и рациональности, и доказательности, в которых вполне усматривается требование к субъекту выступать в познании не столько от своего лица, сколько от имени рода.

Будучи поставленной вновь перед проблемой определения своих собственных границ²¹, наука тем самым вышла вновь и на проблему определения того, что же выражает и должен выражать собой результат познания, к чему он, собственно, имеет отношение, то есть на проблему определения реальности. Со всей очевидностью проблема эта может решаться только в общекультурном контексте, в контексте понимания целей человеческого бытия, творческих возможностей человека в оптими-

зации своего бытия и меры ответственности за это. Концепт реальности вполне корректно отвечает вызовам эпохи и имеет достаточный потенциал для позитивного продвижения проекта «Наука».

Примечания

¹ Рассел Б. История западной философии. В 2-х т. Т.1. – М.: Миф, 1993. – С. 147.

² См.: «Обсуждаем статью «Знание» // Эпистемология и философия науки». – 2006. – Т. VII. – № 1. – С. 138.

³ См.: Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы; Пер. с англ. – Киев: Ника-Центр, 2001. – С. 514.

А. Хюбшер называет расселовский реализм логическим – См.: Хюбшер А. Мыслители нашего времени: Справочник по философии Запада XX века. – М.: Изд-во ЦТР МГП ВОС, 1994. – С. 271.

⁴ Лакатос И. Бесконечный регресс и основания математики / Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост., перевод, вступ. статьи, вводн. замечания, коммент. А.А.Печенкина. – М.: Логос, 1996. – С. 124.

⁵ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии; Пер. с англ. / Сост. И.Т. Касавин: Общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. – М.: Прогресс, 1990. – С. 121.

⁶ Там же. – С. 153.

⁷ См.: там же. – С. 649–655.

⁸ См.: там же. – С. 151–153. Высшим понятием для него является «организм». – См.: там же. – С.121.

⁹ См.: там же. – С. 120–121, 151–152

¹⁰ Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Соч. в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 499, 509

¹¹ Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 148.

¹² Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 40–52

¹³ См.: там же. – С. 47.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Порус В.Н. Альтернативы научного разума / Альтернативные миры знания; Под ред. В.Н. Поруса и Е.Л. Чертовой. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 54.

¹⁶ Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 201

¹⁷ См.: там же. – С. 202–203.

¹⁸ См.: там же. – С. 205

¹⁹ См.: там же. – С. 206, 300

²⁰ Порус В.Н. Указ. соч. – С. 36.

²¹ Специалисты считают эту проблему для науки вечной. См.: там же. – С.55

Куликова Ольга Борисовна,
ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
e-mail: philosophy@philosophy.ispu.ru